

СОЦИОЛОГИЯ ИСЛАМА

Ответственный за рубрику: *Бехруз Махмуди-Бахтияри*

© Исламоведение, 2017. Том 8, № 1 (31)

Онлайн-доступ к журналу: <http://islam.dgu.ru>

SOCIOLOGY OF ISLAM

Person in charge of the section: *Behruz Mahmudi-Bakhtiari*

© Islamic Studies (Islamovedenie), 2017. Vol. 8, № 1 (31)

Online access to the journal: <http://islam.dgu.ru>

УДК 297.17

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-1-112-130

*С.А. Рагозина*⁸⁷

Содержание статьи

Введение

Критический дискурс-анализ. Теория Н. Фэрклоу

Инструментарий корпусной лингвистики

Описание сформированного корпуса¹⁵

«Ислам»: какой?

Заключение

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.06.16.

Передана на рецензию: 25.06.16.

Получена рецензия: 30.07.16.

Принята в номер: 27.12.2016.

Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ (2010–2013)

НИУ ВШЭ, РАНХиГС; sofyaragozina@gmail.com

В рамках данной работы представлены результаты эмпирического исследования, посвященного дискурсу об исламе в современной российской прессе. Работа выполнена в рамках критического дискурс-анализа с использованием инструментария корпусной лингвистики. Корпус был сформирован из 9822 статей, так или иначе затрагивающих исламскую проблематику. В качестве источников нами были отобраны 6 российских общенациональных газет за период с 01.01.2010 по 31.12.2013: «Российская газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета». В ходе исследования была выявлена структура дискурса об исламе и его семантическое ядро на основе анализа ключевых слов для каждой из газет. Реализация функций «коллокация» и «n-грамм» позволили проанализировать лексическую сочетаемость лексемы *ислам*.

Большое количество контекстов употребления лексемы «ислам» являются источниками негативного образа ислама. Концепт ислама в этом дискурсе включает в себя такие образы, как политические акторы, готовые использовать насильственные методы борьбы для достижения своих целей, идеология, оправдывающая их действия. Негативный образ заключается в семантическом приравнивании ислама к военизированному, агрессивному явлению. Кроме того, анализ концепта «ислам» обнаруживает четкую семантическую просодию, ярким примером которой является дихотомия «традиционный vs радикальный ислам».

Ключевые слова: *исламоведение, образ ислама, дискурс-анализ, корпусная лингвистика.*

UDC 297.17

Content of the article

Information about the article

⁸⁷ Софья Андреевна Рагозина – преподаватель РАНХиГС, НИУ ВШЭ.

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-1-112-130

S.A. Ragozina⁸⁸

Introduction.
Critical discourse analysis. Theory of N. Fairclough.
Corpus linguistics tools.
Description of the corpus.
Islam: what is it like?
Conclusion.

Received: 23.06.16.
Submitted for review: 25.06.16.
Review received: 30.07.16.
Accepted for publication: 27.12.16.

The co-occurrence range of the word *Islam* in the Russian Print Media (2010–2013)

NRU HSE, RANEPА, *sofyaragozina@gmail.com*

The paper presents the results of an empirical study into the discourse on Islam in the contemporary Russian press. The research was made in the framework of critical discourse analysis using the tools of corpus-based linguistics. The corpus includes 9, 822 articles on Islamic issues from six Russian national newspapers covering the period from January 1, 2010 to December 31, 2013: *Rossiyskaya Gazeta*, *Kommersant*, *Komsomolskaya Pravda*, *Moskovsky Komsomolets*, *Nezavisimaya Gazeta*, and *Novaya Gazeta*. The *AntConc* software was used for the search of collocations, concordances and other terms. Key-word analysis of each newspaper revealed the structure of the discourse on Islam and its semantic core. The *collocation* and *n-gram* functions were used to reveal the co-occurrence range of the term *Islam*. According to the author, the negative image of Islam is produced on account of a large number of contexts for the word *Islam*. In general, it is based on the emphasis on the word's political, rather than religious associations. In the print media discourse, the concept of Islam includes such images as political actors, prepared to use violent methods in order to achieve their goals, as well as the ideology that justifies their actions. The negative image of Islam is created through the representation of Islam as a paramilitary, aggressive phenomenon. The author has also traced a clear semantic prosody that can be illustrated by *the traditional vs radical Islam* dichotomy.

Keywords: *Islamic studies, image of Islam, discourse analysis, corpus linguistics.*

Введение

Текущее состояние дискурса об исламе как в современных российских, так и в зарубежных СМИ, является одновременно и причиной, и следствием межконфессиональной и межэтнической напряженности, препятствием на пути урегулирования множества социальных конфликтов. Речь идет о широком воспроизводстве образа ислама как «злой религии» и приравнивании его – совершенно абстрактно – к террористической деятельности. Но есть ли альтернативный взгляд на проблему? Можно ли говорить о наличии элементов дискурса, формирующих позитивный образ ислама? В рамках данного исследования предпринята попытка ответить на эти и другие вопросы на основе подробного анализа дискурса об исламе в современных российских печатных СМИ. Представляется необходимым сначала кратко описать применяемую методологию, а затем представить основные результаты исследования.

Критический дискурс-анализ. Теория Н. Фэрклоу

Критический дискурс-анализ (КДА) появился в рамках социально-конструктивистской парадигмы исследований и может пониматься и как один из подходов для изучения дискурса, и как научное течение в рамках дискурс-анализа, включающее в себя несколько подходов.

---

⁸⁸ *Sofia Andreevna Ragozina* – Lecturer at the Russian Academy of National Economy and Public Administration and National Research University Higher School of Economics.

Теория Н. Фэрклоу является тексто-ориентированной формой дискурс-анализа, в основе которой должны лежать методы социальной лингвистики и глубинный интерпретационный подход. Центральное понятие его теории – язык как социальный феномен. Дискурс – это лингвистическое отражение социальной практики. Фэрклоу отмечает, что в то время как все лингвистические явления социальны, не все социальные явления лингвистичны [4, с. 23]. Иными словами, лишь артикулированные значения должны быть предметом анализа, так как они отражают социальную реальность. Он выделяет три основных предмета анализа: текст, его интерпретация и контекст. Кроме того, в связи с этим делением он также предлагает три основных стадии реализации КДА: описание, интерпретация и объяснение [4, с. 26].

При всей стройности и достаточной непротиворечивости изложенной концепции Н. Фэрклоу не предлагает конкретного инструмента, который был бы применим к такому специфическому предмету исследования, как материалы СМИ. Оставаясь в рамках КДА, необходимо анализировать лингвистические структуры, но выборка текстов достаточно велика, и невозможно подробно проанализировать каждый из них, поэтому требуется некий инструмент, позволяющий реализовать статистические процедуры. Таким инструментом может быть корпусная лингвистика, использование которой существенно расширяет возможности КДА.

Инструментарий корпусной лингвистики

В самом широком своем значении корпусная лингвистика представляет собой изучение языка, основанное на примерах его использования в реальной жизни [5]. Отличительной чертой корпусной лингвистики является применение количественных методов, например для вычисления частоты появления того или иного лингвистического явления и последующей интерпретации данного факта. П. Бейкер выделяет несколько преимуществ использования данного метода. Во-первых, это максимальная объективность исследования – выявление статистически значимых лингвистических элементов при анализе большого массива информации уменьшает вероятность субъективной категоризации (как это бывает в контент-анализе). Во-вторых, использование методов корпусной лингвистики позволяет наиболее подробно описать дискурс как в статичном, так и в динамичном состояниях. В-третьих, это методологическая триангуляция, заключающаяся в эффективной комбинации количественных и качественных методов, что в свою очередь ведет к повышению верифицируемости полученных выводов [1, с. 10–17].

Ключевые понятия, которые мы используем в данном исследовании, – это корпус, коллокация, конкорданс и семантическая просодия. Корпус как таковой в лингвистике может быть определен как «примерная совокупность высказываний, отобранных для анализа и представленных в виде письменного текста, магнитофонной записи и т. п.» [30]. В нашем случае речь идет именно о корпусе газетных текстов.

Самое общее определение коллокации звучит следующим образом: «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [29]. Например, «темный» лучше сочетается со словом «ночь», чем со словом «человек». Оксфордский словарь медиа и коммуникаций указывает на такой существенный признак коллокаций, как «периодичность и предсказуемость совместного появления слов» [3]. В определении, приведенном в Глоссарии корпусной лингвистики, ак-

центрируется внимание также и на контексте: «факт появления определенных слов в комбинации с другими словами в определенном контексте» [2, с. 36].

Под конкордансом понимается «список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник» [18, с. 79]. Синонимом конкордансов является «ключевое слово в контексте» (key word in context), и зачастую используется аббревиатура KWIC. Программы, в которых реализуется процедура поиска тех или иных лексем, позволяют наглядно визуализировать полученные результаты, размещая искомое слово в середине рабочего окна.

При анализе конкордансов можно выявить семантическую просодию анализируемого концепта и просодию дискурса. Термин *просодия* относится к разделу фонетики и часто синонимичен понятию интонации. Составители Глоссария корпусной лингвистики разделяют понятия «семантической просодии» и «просодии дискурса» [2, с. 58–59, 145]. «Семантическая просодия» связана с идеей о том, что слова появляются совместно с некоторой семантической группой или же с некоторыми отдельными словами. Например, слово *волосы* связано с семантической группой «длина» и «цвет» [2, с. 145]. Просодия дискурса – более узкое понятие. И в отличие от семантической просодии включает в себя оценочный компонент. Иными словами, связь ключевого слова с той или иной семантической группой является основанием для выделения негативных или позитивных аттитюдов. Российские исследователи М.В. Сергеева и В.В. Денисова с опорой на работу А. Партингтона [6] довольно четко характеризуют суть явления семантической просодии (хотя фактически речь идет о просодии дискурса в изложенной выше логике Глоссария корпусной лингвистики): «В рамках теории семантической просодии высказывается мнение о том, что каждое слово «подготовлено» или «настроено» (primed) теми контекстами, в которых мы его обычно встречаем» [19].

Одной из главных содержательных задач данной работы является выявление основных паттернов лексической сочетаемости ряда слов для наиболее подробного построения концепта «ислама» в дискурсе российских печатных СМИ. Центральным элементом анализа стали коллокации. Иными словами, нам важно собрать как можно больше смыслов, которыми наделяется ислам в указанном дискурсе.

Описание сформированного корпуса

Для анализа нами были отобраны 6 газет: «Независимая газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новая газета». Основными критериями для отбора являлись следующие – общенациональный характер издания и относительная популярность (узнаваемость). Кроме того, важно было привлечь для анализа различные виды газет с точки зрения содержания и читательской аудитории. В данной работе нас интересовали всероссийские издания, без какой-либо региональной специфики.

Отобранные для анализа СМИ представляют собой самые разные типы печатных изданий. В задачи данной работы не входит подробное рассмотрение особенностей типологии СМИ, поэтому выделим лишь основные черты каждого из источников. «Российская газета» является, как видно из таблицы, самой высокотиражной; фактически выражает официальную государственную позицию, являясь печатным органом Правительства РФ. Газета «Коммерсант» представляет собой пример деловой прессы, в которой существенное внимание уделяется и общественно-политическому блоку новостей. Этот источник наряду с «Независимой газетой» может быть отнесен к качественной

прессе, которая включает в себя «солидные газеты и журналы, предназначенные для образованных читателей, серьезные и влиятельные издания» [26]. Газеты «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» являются, во-первых, яркими примерами массовых изданий. КП часто причисляют к таблоидам [42, 28]. Особняком стоит «Новая газета», являясь примером общественно-политической оппозиционной прессы.

Хронологические рамки были определены как 2010–2013 гг. Распределение материалов по источникам и годам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение материалов по источникам и годам

	Независимая газета	Коммерсант	Комсомольская правда	МК	Российская газета	Новая газета
2010	695	360	322	272	294	144
2011	753	441	505	389	345	176
2012	815	559	433	354	407	151
2013	685	487	335	363	383	154
9822	2948	1847	1595	1378	1429	625
	30 %	18,8 %	16,2 %	14,2 %	14,5 %	6,3 %

Каким образом формировался корпус? Нас интересовали материалы, тем или иным образом затрагивающие проблематику ислама. Сбор материалов проходил посредством электронной базы «Интегрум» [23]. Поисковый запрос выглядел следующим образом: *ислам** или *мусульман** или *мечет** или *шариат** или *суннит** или *шиит** или *ваххабит** или *фетв** или *Аллах** или *Коран**

Мы старались сделать запрос максимально нейтральным, не включая в него такие термины, как *муджахед*, *шахид*, *джихад* (хотя они и встречаются в сформированном корпусе), что свидетельствовало бы о нашей ориентации на поиск исключительно негативного образа ислама. Единственным с этой точки зрения спорным моментом может являться включение в наш запрос леммы *ваххабит*, изначально имеющей негативную коннотацию. Однако, как показала проверка по уже сформированному корпусу, не встречается материалов, где бы фигурировала лемма *ваххабит* и отсутствовала бы одна из остальных запрашиваемых лемм.

Исследование проводилось в программе AntConc [7]. Здесь выполнялись основные операции по поиску коллокаций, построению конкордансов и выявлению определенных с точки зрения грамматики словосочетаний (например, словосочетание типа «прилагательное + существительное»).

«Ислам»: какой?

Важную роль в понимании образа ислама играют его описательные характеристики, поэтому представляется продуктивным проанализировать словосочетания типа «прилагательное + ислам». Здесь нами было принято решение отказаться от процедуры выявления только тех определений, совместное появление которых со словом *ислам* является статистически значимым, а охватить максимально широкую палитру. Иными словами, даже если словосочетание *живодерский ислам* встретилось во всем корпусе лишь однажды, это все равно влияет на общий конструктор образа ислама. И хотя мы бу-

дем опираться на показатель частоты того или иного словосочетания, принцип сбора всех даже самых «маленьких деталей» остается ведущим.

Необходимо пояснить некоторые технические моменты. Определения выявлялись двумя основными способами. Во-первых, это реализация процедуры “n-грам”, которая позволяет выявить все «кластеры» (не всегда они являются словосочетаниями) с заданным параметром количества слов до и после запрашиваемого слова. Соответственно нас интересовали кластеры размером в два слова; сначала *ислам* был на втором месте, чтобы выявить прилагательные, относящиеся непосредственно к нему, а потом на первом, чтобы учесть специфику построения некоторых предложений. Во-вторых, мы просмотрели все конкордансы употребления различных словоформ лексемы *ислам* на предмет выявления того, что не было обнаружено во время первого шага. Обнаруженные определения общим списком, ранжированным по частоте появления, перечислены в таблице 2.

Таблица 2. Прилагательные, относящиеся к лексеме «ислам», с указанием частоты их появления

Определение	Частота	Определение	Частота
радикальный	1039	ваххабитский	8
традиционный	221	салафитский	7
умеренный	184	консервативный	6
чистый	101	правильный	5
политический	84	европейский	4
нетрадиционный	37	классический	4
суннитский	32	кавказский	4
российский	28	суверенный	2
современный	18	национальный	2
мягкий	13	срединный	2
русский	12	сине-желтый	1
шиитский	12	оригинальный	1
фундаменталистский	11	незапятнанный	1
татарский	11	внешний	1
настоящий	11	красный	1
светский	9	забытый	1
ортодоксальный	9	православный	1
суфийский	8	живодерский	1
мировой	8	цивилизованный	1

Как видно, наиболее частыми являются уже упоминавшиеся определения «традиционный» и «радикальный». Причем транслирование образа ислама как политической идеологии гораздо более «интенсивно», чем как религиозной практики. Анализ контекстов употребления этих словосочетаний позволяет сделать вывод о том, что они воспроизводятся как взаимоисключающие полярные категории. *Традиционный ислам* представляется исключительно в позитивных категориях – «миролюбивый», «возрождающийся», «наш». Но что в действительности стоит за этим конструктом? В подав-

ляющем числе материалов, где встречается упоминание о традиционном исламе, речь идет о ситуации в Дагестане. Создается его собирательный образ, с одной стороны, как некоего актора, а с другой – как совокупности религиозных идей, противостоящей не менее расплывчатому врагу – ваххабизму, салафизму или экстремизму.

«Отметим, что село Губден известно острым противостоянием сторонников традиционного ислама и экстремистов» [9]. «...Широко разрекламированные программы по примирению «лесных» салафитов-ваххабитов с властью и представителями традиционного ислама в Дагестане просто не работают» [44]. «На этом фоне культивирования ваххабизма в Дагестане теряет влияние традиционный ислам...» [17].

В нескольких материалах вполне конкретно традиционный ислам определяется как суфийский ислам, но опять же – как направление, но не как конкретная религиозно-политическая сила. *«Суфии являются приверженцами так называемого традиционного ислама, глубоко переплетенного с древними обычаями и поверьями народов Дагестана» [43]. «Как показывает практика, далеко не все общины исповедуют исключительно суфийский (так называемый традиционный ислам)» [39].*

Обнаружена попытка транслировать схожую модель на Татарстан, однако она не нашла широкого распространения. *«Мы опять вспомнили о том, что религиозная война традиционного ислама и ваххабизма не прекращалась ни на минуту» [40].* (В контексте покушения на муфтия Татарстана И. Файзова и убийства его заместителя В. Якупова).

Стоит отметить, что аналогичная концептуальная схема анализа противостояния религиозно-политических сил в Дагестане используется и в академическом дискурсе [8, 27, 32]. Не выясняя, что является первичным источником трансляции такого конструкта – академическая или публицистическая среда, важно отметить его прочное положение в дискурсе об исламе. Тем не менее, конструкт «традиционного ислама» не используется исключительно для описания ситуации в Дагестане. Дополнительное значение заключается в экстраполяции «традиционности» на весь ислам, распространенный на территории России. В данном случае ислам, во-первых, наделяется характеристиками цивилизации, несущей в себе некий пласт традиций, которые успешно инкорпорируются (или должны инкорпорироваться) в российскую социокультурную действительность, а во-вторых, описывается как региональный политический актор, способный урегулировать потенциальные конфликты.

«Необычность ситуации в том, что большинство новообращенных приходит не в традиционный ислам, а в исламские секты радикального толка» [24]. «Сейчас, когда в России упрочились позиции традиционного ислама, на этом фундаменте необходимо выстраивать доброе братское сотрудничество» [13]. «Именно Духовное управление [Кабардино-Балкарии], олицетворяющее в регионе традиционный ислам, будет координировать работу будущего центра» [36].

Интересен также факт, что конструкт «традиционного ислама» используется при описании ситуации в других странах как своеобразный аналитический инструмент отделения «всего хорошего от всего плохого». *«По оценке экспертов, речь идет о новом раунде борьбы между Махмудом Ахмадинежадом, который проводит популистскую политику с националистическим уклоном, и Али Хаменеи, отстаивающим традиционные исламские ценности» [48]. «Но хиджабы, которые последнее время стали едва ли*

не обязательным атрибутом женского костюма, – это не наша одежда. У Таджикистана есть свой традиционный костюм. У нас есть также и свой традиционный ислам ханифитского направления» [37].

Таким образом, полисемия конструкта «традиционный ислам» заключается в следующих основных значениях: 1) одна из сторон религиозно-политического противостояния в Дагестане, причем сторона, поддерживаемая официальными властями, что выражается в позитивных оценках; 2) цивилизационная компонента в характеристике ислама в России; 3) категория, противоположная определению «радикальный».

Однако все-таки большая часть значений семантического поля конструкта «традиционный ислам» относится к российским реалиям. Есть ли какие-то еще определения, описывающие ислам в России? Очевидно, что в первую очередь речь должна идти о словосочетании *российский ислам*. Во-первых, данный конструкт оказывается тесно связанным с конструктом традиционного ислама, что подтверждается употреблением определений *российский* и *традиционный* фактически в качестве однородных членов, например: «*традиционный просвещенный российский ислам*», «...очень много делает для развития межрелигиозного диалога и укрепления традиционных ценностей российского ислама, что очень важно для нашей страны».

Во-вторых, сочетание *российский ислам* употребляется при описании взаимодействия различных официальных структур мусульман России – региональных ДУМ, Координационного центра мусульман России, Совета муфтиев России. Анализ контекстов употребления данной фразы позволяет выявить серьезный конфликт, который можно описать в терминах «централизация vs децентрализация». Различные представители российского мусульманского сообщества высказывают мнение о необходимости введения принципа единоначалия в управлении российскими мусульманами и устранения конфликтов на почве амбиций представителей региональных ДУМ. «*Негативной стороной организационного плюрализма в «российском исламе» является борьба между разными муфтиятами, которая не может не открывать дополнительные возможности для радикальных группировок*» [35]. «...стремление к консолидации и обретению единства поможет решить извечную проблему несбалансированности развития двух ареалов российского ислама – северо-кавказского и татаро-башкирского» [21].

Казалось бы, подобные идеи оказываются в тренде текущей политической конъюнктуры с господствующей идеей централизации и единоначалия и должны быть использованы высшим политическим руководством страны. Однако Р. Гайнутдин, глава Совета муфтиев России, ставит проблему нежелания и даже препятствования со стороны официальных властей искать выходы из сложившейся ситуации. Речь идет о ситуации 2010 года, когда между представителями Союза мусульман России, Центрального ДУМ и Координационного центра мусульман Северного Кавказа шли переговоры об объединении в единую структуру. По разным причинам этот проект не был воплощен. Однако собственно конфликты между различными мусульманскими организациями не являются популярной темой для федеральной прессы. С определенной долей уверенности можно сказать, что «рупором» мусульманской общины является Р. Гайнутдин, чье мнение привлекается в качестве «официальной позиции». Все остальные муфтии позиционируются как региональные акторы политического процесса.

Продолжая анализ проблематики российского ислама, нельзя не обратить внимание на такое определение, как *суверенный ислам*. Несмотря на то, что встречается оно во

всем корпусе всего лишь дважды в одной статье [41], оно заслуживает подробного рассмотрения, являясь, с одной стороны, ярким примером государственно-центристской позиции по отношению к исламу, а с другой – своего рода квинтэссенцией разделения ислама на «хороший традиционный» и «плохой», в данном случае ваххабитский. Материал представляет собой осмысление событий, произошедших в Татарстане осенью 2010 года, связанных с операцией по захвату «трех вооруженных боевиков-ваххабитов». Стоит подчеркнуть, что данная статья опубликована в газете «Комсомольская правда», которой свойственны категоричность оценок и однозначность выводов. В первую очередь обращает на себя внимание терминология, которой пользуются эксперты для описания ислама в контексте противостояния ваххабитской угрозе: «...есть ислам книжный, философский, а есть ислам бытовой», «...научный, традиционный ислам – реально мягкий и толерантный».

В качестве причины «победы» ваххабитской версии ислама последовательно выстроена аргументация об отсутствии централизации управления процессами, происходящими в исламской сфере. Сначала речь идет о некоем «либеральном духе», который оказывается по каким-то причинам неприемлемым для молодого поколения: *«Но мистический ислам с его либеральной философией вовсе не устраивает молодых энергичный людей. Им по вкусу прагматичный ваххабизм с его теорией вооруженной борьбы. Мирлюбивая версия ислама вытесняется жесткой и колючей».*

Затем разными экспертами делается вывод относительно возможного пути выхода из сложившейся ситуации, и он оказывается идентичным способу, о котором говорят представители руководителей мусульманских организаций – необходимость введения принципа единоначалия. Однако высказывается это в иных терминах: *«Если ты главный муфтий в республике, то головой отвечаешь за все, что происходит на подведомственной тебе территории. Вот и вся демократия. Никуда мы от вертикали религиозной власти не уйдем. Если ее нет, придется создавать».*

В этом и заключается, по мнению экспертов, концепт суверенности российского ислама. Кроме того, крайне важно «продвигать в России бренд национального суверенного европейского ислама» и тем самым противостоять угрозе доминирования ваххабитского мировоззрения в исламской сфере. Несмотря на то, что данный материал занимает ничтожно малую долю в общем корпусе, его значение для понимания выстраиваемого концепта ислама достаточно велико. В то время как «российский ислам» имеет исключительно положительную коннотацию, несколько иная ситуация складывается с «русским исламом». Всего 12 употреблений, в четырех из них речь идет о русских и русскоязычных исламистах, где тем самым подчеркивается соответствующее происхождение. Три раза упоминается организация «Русское исламское движение» в контексте митингов оппозиции февраля 2010 года. И в одной статье речь идет о русском исламе как о явлении относительно новом в контексте отсутствия механизмов социализации новообращенных в ислам: «Русский ислам – уже не экзотика, но еще не традиция» [11]. В целом можно говорить о том, что данный конструкт не является самостоятельной категорией в рамках анализируемого дискурса, представляя собой часть семантического поля «российского ислама» и «радикального ислама».

Таким образом, на данном этапе нашего анализа можно говорить о выявлении категории «российского ислама», семантически включающей в себя целый ряд определений – в первую очередь «традиционный», а также «суверенный», «национальный». От-

личительной чертой является определяемая контекстом позитивная коннотация всех прилагательных, составляющих данную категорию. Сюда также следует отнести оценочные эпитеты, имеющие отношение к описанию российских реалий: «правильный», «незапятнанный», «срединный». Положительный образ ислама формируется как ответ на угрозу радикального ислама – преимущественно в контексте латентного конфликта на Северном Кавказе. Эта семантическая просодия является организующей осью дискурса об исламе. Стоит также отметить нормативную составляющую – обозначается ряд проблем, и решение находится именно в «формировании, улучшении, укреплении российского ислама».

Негативный полюс в образе ислама занимает конструктор *радикального ислама*. Различные лексические модификации данной фразы употребляются в нашем корпусе наибольшее количество раз – 1039, что значительно превышает суммарно условно положительную категорию «российского ислама». А учитывая то, что негативный образ транслируется также такими определениями, как *фундаменталистский*, *ваххабитский*, *консервативный*, *ортодоксальный*, то категория негативного образа является доминирующей в дискурсе об исламе. Важно отметить ряд особенностей каждого из определений и категории в целом. Все определения ислама данной категории сводятся к транслированию образа ислама как угрозы: безопасности РФ, если речь идет о событиях на Северном Кавказе, или угрозе стабильности политического режима, если речь идет о зарубежных странах. В большинстве своем «радикальный ислам» воспроизводится как проблема как раз мусульманских государств.

Для описания религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе используются преимущественно словосочетания *ваххабитский ислам* и *салафитский ислам*. Важным моментом здесь является формулирование преимущественно внешних, а не внутренних причин непростой ситуации в сфере ислама в России. Так, говорится об обучении в зарубежных религиозных вузах как факторе «радикализации» ислама на территории России, в то время как не поднимается проблема высшего (и среднего) исламского образования в стране; о деятельности иностранных эмиссаров, вербующих местное население в вооруженные отряды, но в данном контексте замалчиваются социально-экономические причины подобной модели поведения населения.

«Что касается современной деятельности эмиссаров «Аль-Каиды» в России, то не стоит думать, что эта активность снизилась» [12]. «Небезызвестные медресе «Йолдыз» и «Аль-Фуркан», готовившие террористов, действовали под эгидой структурных подразделений Совета муфтиев России, равно как колледж «Расуль-Акрам» – *alma mater Сауда Бурятского*» [22].

Половина случаев употребления прилагательного «радикальный» относится не к лексеме «ислам», а к лексеме «исламист», что свидетельствует о восприятии данной группы как реальных акторов политического процесса, несущих в себе дестабилизирующий потенциал. В остальных случаях употребляется непосредственно словосочетание «радикальный ислам», воспроизводя образ врага как такового. Речь идет и о враждебной идеологии, и о силах, использующих эту идеологию. Словосочетание *политический ислам* имеет также в целом негативную коннотацию, однако претендует на нейтральность, т. к. используется рядом представителей академического и околоакадемического сообщества в оценках ситуации в мусульманских странах. Несколько раз встречается также словосочетание *радикальный политический ислам*.

Другим определением ислама, также входящим в данную категорию, является *чистый ислам*. Интересно, что это единственный термин, который берется в кавычки авторами материалов, что свидетельствует об искусственности и полисемии данного конструкта. Основное значение опять же находится в сфере идеологии, но если радикальный и политический ислам – это идеология в общем, то чистый ислам подразумевает идею, сводящуюся к необходимости воспроизведения некоего идеала из исламской истории. О каком идеале идет речь? Из 101 употреблений данного словосочетания лишь в шести имеется указание на какой-либо исторический период.

Из них в трех случаях указывается XII век (и косвенно в еще одном). Возможно, косвенно эта дата связана с появлением трудов Ибн Таймийи на рубеже XIII–XIV веков, которого принято считать своеобразным «отцом-основателем» салафизма. К нему апеллировали многие из мыслителей последующих поколений, в т. ч. и Абд Аль-Ваххаб. Идеология ваххабизма, включающая в себя, как известно, апелляцию к «ас-салаф» – к предкам – появилась в конце XVIII века. Не вдаваясь в концептуальные основы ваххабизма, следует, тем не менее, подчеркнуть, что Абд Аль-Ваххаб – собственно автор трактатов, легших в основу этой идеологии – во-первых, выступал за «чистый» ислам времен пророка Мухаммада. Во-вторых, данная идеология выступила в качестве инструмента мобилизации политий Аравийского полуострова при формировании Саудовского государства, а затем стала его государственной идеологией [14].

На определенном этапе «экспорта» идей ваххабизма в различные регионы мира ваххабизм стал приравниваться к радикальному исламу в уже рассмотренном выше смысле. В то время как анализ дискурса того самого радикального ислама показывает, что сами его представители апеллируют к другому «чистому» исламу – как правило, это различные этапы времен пророка Мухаммада и эпохи правления четырех праведных халифов [38]. То есть в газетном дискурсе произошло своеобразное «смещение» временного критерия для определения эпохи чистого ислама: он возводится ко времени появления одной из самых известных и цитируемых в наши дни работ, посвященной идее возвращения к «временам чистого ислама», но никак не к собственно эпохе чистого ислама. Остается не совсем понятным указание интервала до XIV века. Кроме того, ваххабизм здесь выступает синонимом салафизма. Помимо указания конкретной эпохи, дополнительным подтверждением транслирования именно такого значения чистого ислама является и то, что одной из самых «сильных» коллокаций словосочетания «чистый ислам» является лексема *салафит*.

Спорным моментом идентификации в качестве временного периода является отнесение сюда режима талибов. Скорее это должно рассматриваться как пример реализации того самого «мифического идеала чистого ислама» на практике. И наконец, в единственном случае речь идет о времени пророка Мухаммада. То же значение обнаруживается в словосочетании *классический ислам*: «Салафиты раньше занимались только проповедями, привлекали сторонников и убеждали их в том, что надо твердо придерживаться принципов классического ислама без всяких современных отклонений...» [25].

Еще одно семантическое пересечение «чистого» и «классического» ислама заключается в значении «базовый» без каких-либо оценок: «...а разделение веры случилось в 1589 году, когда Казань приняла чистый ислам» [15]. «...чем лучше мусульмане будут знать классический ислам, ... тем лучше» [20].

Другим «синонимом» чистого ислама является очевидная антитеза уже рассмотренного «традиционного ислама» – *ислам нетрадиционный*. «Решающую же роль в усилении нетрадиционного ислама сыграла практика отправки молодых людей на обучение в арабские и турецкие медресе, из которых большинство возвращалось уже носителями «чистого» ислама» [46]. В целом значение такое же, как у радикального ислама, т. е. подразумевается весь идеологический комплекс, однако есть и уникальный оттенок, диктуемый контекстом. Каждое из 37 употреблений обнаруживается в «военизированном» контексте, т. е. буквально в каждой статье повествуется о каких-либо операциях МВД по ликвидации, нейтрализации или задержанию «представителей», «сторонников», «проповедников» и «адептов» «нетрадиционного ислама». Так как в одном из материалов есть ссылка на то, что подобное словосочетание было использовано в официальном пресс-релизе МВД [45], то можно предположить, что оно используется именно правоохранительными органами.

Таким образом, вторая категория, которая выявляется в ходе анализа, связана с транслированием значения ислама как идеологии, причем идеологии, несущей в себе деструктивный потенциал. То есть речь идет о формировании негативного милитаризованного образа ислама. Данная категория в совокупности частоты упоминаний является наибольшей и тем самым доминирующей в газетном дискурсе об исламе. Напомню, что речь идет только о словосочетаниях типа «прилагательное + ислам», без анализа частоты появлений таких лексем, как *ваххабит*, *салафит*, *исламист*, которая варьируется в интервале от 1000 до 5000.

Промежуточную позицию в спектре семантической просодии от позитивного до негативного образа занимает элемент «умеренного ислама». Все контексты относятся к описанию взаимодействий в политической, нерелигиозной сфере. Поэтому, с одной стороны, слово *умеренный* здесь несет позитивную окраску. С другой стороны, в 122 из 184 употреблений речь идет не об умеренном исламе, а об умеренных исламистах, под которыми подразумеваются силы, оперирующие идеями ислама и, что самое главное, находящихся в легальном политическом пространстве. Так, умеренными исламистами называется турецкая «Партия справедливости и развития», тунисская «Ан-Нахда», ставшая «умеренной» по итогам парламентских выборов октября 2011 года в Тунисе, «Братья-мусульмане» в Египте также в контексте выборов в Народную Ассамблею в январе 2012 года, тогда еще кандидат в президенты Египта Мухаммед Мурси. Синонимом *умеренного* здесь является *мягкий ислам*. Можно сделать предварительный вывод о том, что под исламистом в анализируемом дискурсе понимается любой актер политического процесса, апеллирующий к идеям ислама. А различные прилагательные фактически определяют место этих сил в политической системе: умеренные исламисты включены в легальный политический процесс, все остальные – радикальные, «антисистемные» – представляют собой либо милитаризованную, либо экстремистски настроенную оппозицию. Аналогичное значение приписывается и оксюмору «*светский ислам*».

Подобное двойственное положение занимает *современный ислам*. С одной стороны, он является одним из способов определения ваххабизма: «ваххабитское течение в современном исламе» [33], «салафиты как политическое течение в современном исламе» [47]. С другой стороны, говорится о потенциале ислама для развития и адаптации к современным условиям. «*Современный ислам, прогресс которого ощущается не толь-*

ко в России...» [10]. «Все выступают за развитие современного ислама, хотя быть спокойными, что его не подчинят себе экстремисты» [16].

В списке, представленном в таблице 2, следует также выделить несколько категорий. Во-первых, это географическое обозначение. И оно в целом укладывается в уже обозначенную концептуальную схему «традиционный – радикальный». Привязка к российским регионам – татарский, кавказский – означает либо традиционный «правильный» ислам, либо деятельность исламистских групп. Довольно неожиданным оказалось столь редкое затрагивание проблем европейского ислама. Слово сочетание *цивилизированный ислам* в одной статье являлось синонимом евроислама. Обращают на себя внимание и другие контекстные метафоры – *сине-желтый* и *забытый* ислам, имеющие отношение к ситуации в Швеции и Казахстане соответственно.

Во-вторых, это категории очевидно положительных и негативных оценочных суждений, составляющих самую маленькую часть анализируемого типа дискурса. На наш взгляд, такие оценки, как *живодерский* на отрицательном полюсе и *правильный* на положительном, не нуждаются в дополнительных комментариях. Несмотря на столь редкое появление, представляется необходимым их выделение, т. к. эмоционально наиболее яркие оценки зачастую играют существенную роль в формировании того или иного воспринимаемого образа.

И, наконец, последняя категория – «направления в исламе» – находится на стыке этого и одного из следующих разделов данной работы, так как представляет поднимаемую проблему лишь частично. Действительно частота появлений словосочетаний *шиитский ислам* и *суннитский ислам*, а также отсутствие словосочетания, например, *алавитский ислам*, не отражает реальную репрезентацию различных направлений ислама в нашем корпусе. Несмотря на это, стоит сделать отдельное замечание относительно контекстов обращения к этой тематике именно в такой лексической форме. Вполне закономерным в свете вышеизложенных закономерностей представляется употребление сочетания *суннитские исламисты*. Но доминирующим здесь оказывается другой образ. Суннитский, равно как и шиитский, ислам представляется как цельная система взглядов и убеждений, в которых есть различные течения и даже указываются некоторые их отличительные черты; также говорится об особенностях религиозного учения (особенно для шиизма): «*Большинство населения Омана составляют арабы, исповедующие ибадизм, суннитское исламское течение, близкое, тем не менее, к шиизму*» [34]. «*...алавитское направление является синтезом шиитского ислама с древними гностическими верованиями, процветавшими на Ближнем Востоке в первые десятилетия нашей эры*» [31].

Таким образом, итогом проведенного анализа прилагательных, относящихся к лексеме *ислам*, может являться обозначение основных структурных элементов дискурса, выявленных посредством категоризации проанализированных определений. Результат представлен в таблице 3.

Таблица 3. Категории определений ислама

Категория	Определения, входящие в категорию
Российский ислам	российский, русский, традиционный, суфийский, национальный, суверенный, православный

Идеология (негативная коннотация)	радикальный, консервативный, салафитский, внешний, фундаменталистский, нетрадиционный, ортодоксальный, ваххабитский, чистый
Идеология (нейтрально-негативная коннотация)	умеренный, мягкий, светский, классический
Направления в исламе	суфийский, суннитский, шиитский
Оценки негативные	живодерский, оригинальный
Оценки позитивные	правильный, срединный, незапятнанный, настоящий, цивилизованный
Географические	татарский, кавказский, европейский, мировой

Заключение

В рамках данной работы был проанализирован один из аспектов газетного дискурса об исламе с использованием методологии корпусной лингвистики. Какие выводы относительно образа ислама позволяет сделать проведенный анализ лексической сочетаемости лексемы *ислам*?

Элементы исламофобии доминируют в газетном дискурсе об исламе. В начале нашего исследования мы хотели отказаться от предубеждения, что газетный дискурс об исламе имеет исламофобский характер, для достижения максимальной объективности наших выводов, однако подробный анализ доказал несостоятельность этого соображения. Речь идет о том, что большое количество лексических форм являются источниками негативного образа ислама. Это заключается в превалировании политического над религиозным в значении ислама. Концепт ислама в этом дискурсе включает в себя такие образы, как политические акторы, готовые использовать насильственные методы борьбы для достижения своих целей, идеология, оправдывающая их действия. Негативное заключается в семантическом приравнивании ислама к военизированному, агрессивному явлению.

Анализ концепта «ислам» обнаруживает четкую семантическую просодию, пронизывающую весь дискурс. С самого начала нашего исследования мы вынуждены были очень часто использовать термины «негативная» и «позитивная» коннотация. На наш взгляд, это является не только специфическим методологическим шагом, но и отражением реальной структуры дискурса. Уже на начальном этапе исследования было выявлено два этих полюса, заключающиеся в лексемах «традиционный» и «радикальный», причем употреблений последнего было обнаружено гораздо больше.

Дихотомия «традиционный VS радикальный ислам» является структурообразующей для анализируемого дискурса. Однако конструкт «радикального ислама» смещает на себя основной акцент. Та небольшая часть коммуникационного пространства, где транслируется позитивный образ ислама, зачастую оказывается связанной с традиционным для России исламом. Однако и здесь она выступает не как самоценный элемент этого дискурса, а как вынужденный ответ на распространение «угрозы радикального ислама». Особенно это заметно при анализе двух конструктов, оказывающихся проти-

вопоставленными друг другу в этом дискурсе: «суфийский» и «ваххабитский ислам» в Дагестане.

Подводя итог, можно сказать, что, следуя алгоритму П. Бейкера о постоянном воспроизведении цикла задавания новых исследовательских вопросов в процессе работы с корпусом, делать это можно бесконечно, обнаруживая все новые контексты, выявляющие новые проблемы как репрезентации ислама в СМИ, так и реальных проблем мусульманского сообщества в России и мире. Так, нами не был проанализирован состав экспертного сообщества, у представителей которого журналисты разных газет берут интервью; недостаточно проанализирован собственно образ мусульманина, транслируемого этим дискурсом. С самого начала нами не ставилась задача анализа визуального ряда, сопровождающего отобранные для анализа тексты. Таким образом, данная работа видится лишь первым шагом в рамках анализа образа ислама в СМИ. В дальнейшем необходимо расширить пул исследовательских вопросов, выборку, обратиться к телевизионному дискурсу.

Литература

1. *Baker P.* Using Corpora in Discourse Analysis. – Continuum, Bloomsbury Publishing, 2006.
2. *Baker P., Hardie A., McEnery T.* Glossary of Corpus Linguistics. – Edinburgh University Press, 2006.
3. *Chandler D., Munday R.* Collocation // Dictionary of Media and Communication. – Oxford University Press. 2011, <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-0385>.
4. *Fairclough N.* Language and Power. – Longman, 1989.
5. *McEnery A., Wilson A.* Corpus Linguistics. – Edinburgh University Press, 1996.
6. *Partington A.* Utterly content in each other's company: Semantic prosody and semantic preference // International Journal of Corpus Linguistics. – 2004. – Vol. 9. Iss. 1. – P. 131–156.
7. Software. AntConc. A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis // Laurence Anthony's Website, <http://www.laurenceanthony.net/software.html>.
8. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Институт этнологии и антропологии РАН. – Документ № 127. – М., 1999. – 32 с.
9. *Алиев Т.* Взрывная тактика // Российская газета. 16.02.2011.
10. *Асадуллин Ф.* Человек и слова, и дела // Российская газета. 27.08.2012.
11. *Бабич Г.* Правовверные без уммы // Независимая газета. 15.12.2010.
12. *Богданов В., Егоров И.* “Аль-Каида” теряет позиции в России // Российская газета. – 04.05.2011.
13. *Валиахметова Р.* Единство – не прихоть // Российская газета. – 10.03.2010.
14. *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745–1973). – М.: Наука, 1982.
15. *Воробьев В.* Пришли убивать // Российская газета. – 10.04.2013.
16. *Воробьев В.* СССР: фантомные боли // Российская газета. – 13.02.2013.
17. *Главный террорист Дагестана убит, а теракты продолжаются. Почему?* // Комсомольская правда. – 24.08.2010.

18. Грудева Е.В. Корпусная лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2012.
19. Денисова В.В., Сергеева М.В. Изучение семантической просодии слова на базе анализа корпусов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2012. – № 18. – С. 86.
20. Залиханов М. Свобода обязывает // Российская газета. – 15.07.2011.
21. Золотая Орда и Имамат Шамиля как основа российской государственности // Независимая газета. – 07.07.2010.
22. Запретить можно даже малограмотный перевод Корана // Независимая газета – НГ Религии. – 04.07.2012.
23. Интегрум: <http://www.integrum.ru/>. – Доступ предоставлен НИУ ВШЭ.
24. Ислам славянской национальности. Надо ли его бояться? // Московский комсомолец. – 08.02.2011.
25. Исламизм потерял ответственное лицо // Независимая газета – НГ Религии. – 17.07.2013.
26. Качественная пресса // Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ: http://www.eartist.narod.ru/text16/069.htm#з_001_10.
27. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. – М.: Логос, 2007.
28. Классификация газет // Издательский дом «Публицист»: <http://www.chastirechi.ru/inquiry/2/>.
29. Коллокация // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm.
30. Корпус // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm.
31. Кузнецов А. Алавитская гвардия Башара Асада // Независимая газета. – 06.07.2011.
32. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000.
33. Мельников А. Обыкновенный ваххабизм // Независимая газета. – 01.09.2010.
34. Мясников В. Диверсионная война на основе самокупаемости // Независимая газета. – 30.07.2010.
35. Неотложная к решению проблема // Российская газета. – 04.04.2012.
36. Опора на традицию – лекарство от экстремизма // Комсомольская правда. – 24.05.2012.
37. Панфилова В. В Душанбе опасаются исламской революции // Независимая газета. 27.12.2010.
38. Рагозина С.А. Опыт политизации истории халифата при правлении четырех праведных халифов, 632–661 (по трудам современных мусульманских мыслителей) // История – поле сражения. – М., 2015. – С. 115–151.
39. Республика джамаатов // Независимая газета – НГ Религии. – 05.10.2011.
40. Силантьев Роман. Какие финансовые разборки? Муфтий мешал вербовать ваххабитов! // Комсомольская правда. – 21.07.2012.
41. России нужен суверенный ислам? Часть 2 // Комсомольская правда. – 27.04.2011.
42. Русские таблоиды кричат и процветают // Newsland.ru. – 27.07.2008: <http://newsland.com/news/detail/id/280367/>.

43. Самое опасное место в Европе // Новая газета. – 13.06.2012.
44. Скосырев В.А. Не повезло в Москве, повезло в Дели // Независимая газета. – 27.06.2011.
45. Татарстан: огненное крещение // Комсомольская правда. – 18.12.2013.
46. Чаплин В. Свой? Чужой? // Независимая газета. – 20.01.2010.
47. Шарипова К. Мастерок в руках, "калашников" за спиной // Независимая газета. – 16.11.2011.
48. Юсин М. Президента Ирана записали в либералы // Коммерсант. – 22.11.2011.

References

1. Baker P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. Continuum, 2006.
2. Baker P., Hardie A., McEnery T. *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press, 2006.
3. Chandler D., Munday R. *Collocation*. Dictionary of Media and Communication. Oxford University Press. 2011, <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-0385>.
4. Fairclough N. *Language and Power*. Longman, 1989.
5. McEnery A., Wilson A. *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press, 1996.
6. Partington A. Utterly content in each other's company: Semantic prosody and semantic preference. *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 9. Iss. 1. 2004. P. 131–156.
7. Software. AntConc. *A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis*. Laurence Anthony's Website, <http://www.laurenceanthony.net/software.html>.
8. Akaev V.Kh. Sufizm i vakhkhabizm na Severnom Kavkaze [Sufism and Wahhabism in the North Caucasus]. *Seriya «Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii» Instituta antropologii RAN*. ["Studies in Applied and Emergency Ethnology" Series, Institute of Anthropology of RAS] Dokument № 127. M. 1999.
9. Aliev T. Vzryvnaya taktika [Explosive Tactics] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 16.02.2011.
10. Asadullin F. Chelovek i slova, i dela [A Man of Both Words and Deeds] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 27.08.2012.
11. Babich G. Pravovernnye bez ummy [True Believers without Ummah] *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 15.12.2010.
12. Bogdanov V., Egorov I. Al'-Kaida' teryaet pozitsii v Rossii [Al-Qaida is Losing Momentum in Russia] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 04.05.2011.
13. Valiakhmetova R. Edinstvo – ne prikhot' [Unity is not a Whim] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 10.03.2010.
14. Vasil'ev A.M. *Istoriya Saudovskoi Aravii (1745–1973)* [History of Saudi Arabia (1745–1973)]. Moscow, Nauka, 1982
15. Vorob'ev V. Prishli ubivat' [They Came to Kill] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 10.04.2013.
16. Vorob'ev V. SSSR: fantomnye boli [The USSR: Phantom-Limb Pains] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 13.02.2013.

17. Glavnyi terrorist Dagestana ubit, a terrakty prodolzhayutsya. Pochemu? [Head Terrorist of Dagestan is Killed, but Terrorist Attacks Continue. Why?] *Komsomol'skaya pravda*. 24.08.2010.

18. Grudeva E.V. *Korpusnaya lingvistika: ucheb. posobie* [Corpus Linguistics: a Textbook]. Moscow, Flinta, 2012.

19. Denisova V.V., Sergeeva M.V. Izuchenie semanticheskoi prosodii slova na baze analiza korpusov [Corpus-Based Semantic Prosody Studies] *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. [Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University. N. Dobrolyubova.] 2012. № 18. S. 86.

20. Zalikhanov M. Svoboda obyazyvaet [Freedom Imposes Obligations] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 15.07.2011.

21. Zolotaya Orda i Imamat Shamilya kak osnova rossiiskoi gosudarstvennosti [The Golden Horde and the Imamate of Shamil as the Basis of the Russian Statehood] *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 07.07.2010.

22. "Zapretit' mozhno dazhe malogramotnyi perevod Korana" ["You Can Forbid Even the Illiterate Translation of the Qu'ran"] *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper] – *NG Religii*. 04.07.2012.

23. *Integrum*, <http://www.integrum.ru/>. Dostup predostavlenn NRU HSE.

24. Islam slavyanskoi natsional'nosti. Nado li ego boyat'sya? [Islam with Slavic Origin. Should We Be Afraid of It?] *Moskovskii komsomolets*. 08.02.2011.

25. Islamizm poteryal otvetstvennoe litso [Islamism Has Lost Its Decision-Maker] *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper] – *NG Religii*. 17.07.2013.

26. Kachestvennaya pressa [Quality press] / Knyazev A.A. *Entsiklopedicheskii slovar' SMI* [Mass Media Encyclopedic Dictionary] http://www.evartist.narod.ru/text16/069.-htm#z_001_10

27. Kisriev E.F. *Islam v Dagestane* [Islam in Dagestan]. Moscow, Logos. 2007.

28. Klassifikatsiya gazet [Classification of Newspapers] *Izdatel'skii dom «Publitsist»* ["Journalist" Publishing House] URL: <http://www.chastirechi.ru/inquiry/2/>.

29. Kollokatsiya [Collocation] / Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms] http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm.

30. Korpus [Corpus] / Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms] http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm.

31. Kuznetsov A. Alavitskaya gvardiya Bashara Asada [The Alawite Guard of Bashar Al-Asad] / *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper] 06.07.2011.

32. Makarov D.V. *Ofitsial'nyi i neofitsial'nyi islam v Dagestane* [Official and Non-Official Islam in Dagestan]. Moscow, 2000.

33. Mel'nikov A. Obyknovennyi vakhkhabizm [Common Wahhabism] *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 01.09.2010.

34. Myasnikov V. Diversionnaya voyna na osnove samookupaemosti [Subversive War on the Basis of Self-Sufficiency] *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 30.07.2010.

35. Neotlozhnaya k resheniyu problema [The Pressing Problem] *Rossiiskaya gazeta*. [The Russian Newspaper] 04.04.2012.

36. Opора na traditsiyu – lekarstvo ot ekstremizma [Reliance on Tradition is the Cure for Extremism] *Komsomol'skaya pravda*. 24.05.2012.

37. Panfilova V. V Dushanbe opasayutsya islamskoi revolyutsii [In Dushanbe They Fear of Islamic Revolution] *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 27.12.2010.

38. Ragozina S.A. Opyt politizatsii istorii khalifata pri pravlenii chetyrekh pravednykh khalifov, 632–661 (po trudam sovremennykh musul'manskikh myslitelei) [Experience of the Politicization of History of the Caliphate under the Rule of the Four Holy Caliphs, 632–661 (as Presented in the Works of Contemporary Muslim Thinkers)]. *Istoriya – pole srazheniya*. [History is a Battle Field.] 2015. С. 115–151.

39. Respublika dzhamaatov [The Republic of Jamaats] *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper] – *NG Religii*. 05.10.2011.

40. Roman Silant'ev: «Kakie finansovye razborki? Muftii meshal verbovat' vakhkhabitov!» [Roman Silantyev: “This is Not Infighting for Money. The Mufti was in the Way of Wahhabi Recruiters!”]. *Komsomol'skaya pravda*. 21.07.2012.

41. Rossii nuzhen suverennyi islam? Chast' 2 [Does Russia Needs Sovereign Islam? Part 2]. *Komsomol'skaya pravda*. 27.04.2011.

42. Russkie tabloidy krichat i protsvetayut [Russian Tabloids are Shouting and Protesting] *Newsland.ru*. 27.07.2008, <http://newsland.com/news/detail/id/280367/>.

43. Samoe opasnoe mesto v Evrope [The Most Dangerous Place in Europe]. *Novaya Gazeta*. [The New Newspaper] 13.06.2012.

44. Skosyrev V.A. Ne povezlo v Moskve, povezlo v Deli [No Luck in Moscow, Good Luck in Delhi]. *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 27.06.2011.

45. Tatarstan: ognennoe kreshchenie [Tatarstan: Fire Immersion] // *Komsomol'skaya pravda*. 18.12.2013.

46. Chaplin V. Svoi? Chuzhoi? [A Friend or a Foe?]. *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 20.01.2010.

47. Sharipova K. Masterok v rukakh, "kalashnikov" za spinoi [Trowel in Hand, Kalashnikov on the Back]. *Nezavisimaya gazeta*. [The Independent Newspaper] 16.11.2011.

48. Yusin M. Prezidenta Irana zapisali v liberaly [President of Iran Branded as Liberal]. *Kommersant*. 22.11.2011.